

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЛУНЫ

Я потратил на эту книгу несколько лет. Я искал и находил невероятных людей. Я копил их, пока не собралась критическая масса, перевернувшая мир и позволившая взглянуть на него с изнанки — словно бы на другую, вечно скрытую от нас и потому таинственную сторону Луны. Параллельный мир оказался странным. Но ничуть не менее реальным, чем мир привычный. Как шутят юмористы, в действительности все оказалось не так, как на самом деле.

Я вдруг увидел, что те болезни, которые успешно лечат, но никогда не вылечивают в наших поликлиниках — все эти артриты и артрозы, панкреатиты и диабеты, гипертонии и аритмии, — успешно, легко и быстро элиминируются там, на обратной стороне Луны. И что в мире начала складываться какая-то другая, параллельная существующей модель медицины. Которая не только лечит, но и вылечивает. У нее совершенно другой взгляд на человека.

Все люди, описанные в книге, — абсолютно реальны и названы своими именами и настоящими фамилиями, на день написания этих строк все они живут и здравствуют. Практически все они ничего не знают друг о друге. Но при этом говорят одни и те же странные слова, которые бы ничего не сказали обычным врачам в обычных поликлиниках или вызвали у них раздражение. Наверное, не зря поликлиники называют кладбищами врачей. Здесь врачи умирают — не физически, а именно как врачи, то есть творческие люди.

Некоторые из тех, с кем я говорил, представляют из себя откровенных расстриг от медицины — бывших врачей, разочаровавшихся в медицине фармацевтического протокола и ушедших, как колумбы, в собственное плавание по плохо изведанному океану человеческого организма. Другие вообще не имеют медицинского образования, но избавляют своих клиентов от таких болячек, которые медицинский официоз не только считает неизлечимыми, но даже причин их возникновения не ведает, этиология этих болезней толком не ясна.

Самая большая польза, которую вы можете извлечь из этой удивительной книги, — прочное утверждение в глубине вашей души того факта, что нет неизлечимых болезней. Просто есть больные, которые еще не нашли своего целителя. И осознание этого — уже наполовину пройденная дорога к здоровью.

Глава 1

ЛЕЧЕНИЕ МОЛОТКОМ

Мы привыкли к докторам узким. Глазник — лечит глаза. Ухо-горло-нос лечит горло, нос и ухо (слава богу, что оба). Нёбо или легкие он уже не лечит, хотя там все рядом, но это уже к стоматологу и плеврولوгу. Вот так вот разделили человека на части, как тушу в мясном магазине, и кусками лечат — по одному органу. А кто же лечит всего человека, так сказать, интегрально? Ведь больные суставы могут быть следствием больной печени, например, но человеку будут упорно лечить суставы, потому что он приковывался к ревматологу.

Я знаю одного «широкого» врача, сиротливо выпавшего из современной медицины, который лечит человека целиком. Зовут доктора Борис Архипов. Причем приходят к нему с самыми разными проблемами и, что поразительно, не всегда медицинскими — например, ребенок плохо учится, или бизнес вдруг перестал идти. И Архипов решает эти проблемы. Разве такое возможно?..

— Как это с вами случилось, Борис Алексеевич, что вы предали «кусковую» медицину и стали лечить граждан целиком? И как это вообще происходит, если все лекарства — из «органной» медицины — от простуды, для печени, от гастрита?..

— Если лезть вглубь, то истоки, наверное, нужно искать в детстве. А я с самого раннего детства хотел стать священником.

— Нехороший признак!

— Да, это психиатрия, вообще-то. Чтобы с детства, да еще и в пятидесятых годах ребенок хотел стать попом... Но присутствие Бога я почему-то ощущал. В глубинной памяти осталось: живешь и знаешь, что кто-то за тобой наблюдает. Может быть, это был Старший Брат? Тогдашняя жизнь — это когда наблюдаешь вокруг одно, читаешь в газетах другое, а разговоры родителей — третье, и в школе нужно не проболтаться, о чем говорят дома. Очень развивающая среда — живешь в трех планах, чтобы не перепутать — что можно говорить, а что нет, читаешь между строк. Я ведь немолод и все помню — Сталин умер, народный вой, немцы пленные, «и примкнувший к ним Шепилов»... А бытие, как известно, определяет сознание.

Я достаточно хорошо тогда рисовал, и мой учитель рисования всем давал нарисовать какой-то рисунок, а мне — целый альбом: что видишь дома, то и рисуй. И я набивал руку. В школе поэтому постоянно

рисовал плакаты и попутно шалил. Рисовал лидеров партии с большими головами в бытовых ситуациях — Ленин кушает компот, Сталин в туалете, Хрущев в виде Аленушки грустит у пруда. Однажды эти рисунки попали к учителям, и был большой скандал.

А потом настала пора определяться. Священником я быть уже не хотел, взял и зачем-то пошел в театральный, куда экзамены были раньше всего. И поступил! Смысл этого поступления для меня самого остался загадкой. Со мной вместе поступал Караченцов. Я посмотрел на него и подумал: вот это энергия! а я что тут буду делать? Забрал документы и отнес их в медицинский. И не поступил!

— А почему не на художника, ежели талант был?

— Не захотел. Мой учитель рисования был на меня смертельно обижен: столько в мальчика вложил. Но это чертово рисование меня все-таки настигло. Наказало и помогло... Когда на следующий год я поступил-таки на медицинский, возмечтав стать детским офтальмологом, меня, прознав про мои способности, привлекли к рисованию таблиц и других материалов к лекциям. За год я сделал около 230 рисунков воспаленного глаза. Затем один из профессоров попросил меня нарисовать цветную вкладку к его книге. Я нарисовал, он отнес в издательство «Медицина». Там были весьма впечатлены и пригласили меня иллюстрировать Большую Медицинскую Энциклопедию. Так что в БМЭ половина моих рисунков.

Проблема иллюстрирования медицинских книг в том, что, в идеале, нужен художник, разбирающийся в медицине, а таких практически нет. Художники за это или не брались, или им нужно было по сто раз объяснять, что такое воспалительный процесс лимфоузла или красноклеточная дистрофия и как они выглядят. А я это знал. В микроскоп видел... Обычный художник согласовывал каждый элемент картинки с авторами книги по сто раз. А я просто садился и делал. И потому, еще будучи студентом, я на этих рисунках зарабатывал больше, чем профессор у нас на кафедре. Цветной вкладыш стоил по тем деньгам рублей шестьсот — академическая зарплата!

На этом я левый глаз и потерял. Потому что перетрудил, ведь одним глазом смотришь в микроскоп на ярко освещенное поле, другим на рисунок, постоянно все это контролируя. В результате — воспалительный процесс, и теперь левый глаз у меня не видит. Вот так рисование меня настигло и наказало за предательство. Но и помогло стать тем, кем я сейчас являюсь. Понимаете, рисуя эти вот рисунки по совершенно разным разделам медицины и общаясь с авторами статей, я поневоле набирался широты взглядов. А двоемыслие, которое царило тогда в стране, помогло мне справиться с медицинским двоемыслием. Ведь в медицине тоже так — то, что в учебниках написано и чему учат студентов, — одно, а то, что творится на самом деле, — совсем другое.

— В смысле?

— Ну, вот спрашиваю я академика Адо — нашего знаменитого аллерголога — о прививках, а он вдруг говорит совсем не то, что пишут в учебниках! А именно: что вся эта вакцинация и иммунизация населения — вред для будущих поколений. Потому что иммунная система перестает бороться. Рисуя картинки для БМЭ, я встречался с медицинскими светилами в разных областях и с удивлением узнавал от них, что есть книжная, преподаваемая медицина, а есть второй слой реальности, который они опубликовать никогда не смогут.

Например, что есть материальный субстрат морали и нашего Я? Все знают, что наша личность записана в мозгу и психика — порождение мозга. Это азы. Но существуют люди, у которых мозга нет, а психика есть. У меня на приеме был летчик-испытатель, полковник, он ни на что не жаловался, просто привез ко мне девушку с инсультом. А у него была ангиома на лице, это нечто вроде родимого пятна, я предложил ему пообследоваться на всякий случай и без задней мысли направил на компьютерную томографию. Которая показала, что у человека нет большей части мозга! И ему это не мешало.

— Военный, одно слово...

— Еще случай. Привезли ребенка в Морозовскую больницу, в патологоанатомическое отделение. 15 лет, высокий парень, баскетболист, отличник.

Случайно в школе толкнули на перемене, упал — летальный исход. «Скорая» приехала, зафиксировала смерть. И что, вы думаете, показало вскрытие? Черепная коробка пустая. Вместо мозга — только тонкая мозговая оболочка вдоль черепа толщиной 0,7 мм. И этого хватало для компенсации.

Вот это все и заставило меня глубоко задуматься. А еще меня всегда интересовал не факт болезни, а процесс ее развития. Откуда возник порок, если уйти далеко в прошлое? И теперь я знаю, что часто причины наших взрослых болезней лежат в глубоком детстве или даже во внутриутробном периоде развития. Причем большинство наших проблем — из первого года жизни, когда формируются схема тела и регулирование телесных функций.

Дело в том, что мы начинаем развиваться от молекулярного уровня, от слившихся ДНК, потом идет клеточный уровень, тканевой, вегетативный, рефлекторный, эмоциональный, психический, социальный. Все эти уровни взаимосвязаны. И если был сбой на каком-то этапе — например, с запозданием произошла имплантация оплодотворенной яйцеклетки, — потом будут проблемы.

Или младенец пропустил какой-то этап развития — ну, скажем проболел и потому пролежал в кроватке этап ползания, а затем сразу начал делать попытки встать. В дальнейшем у него будут проблемы из-за недосформированности схемы тела, которая

формируется в мозгу поэтапно и вяжется спицами нарабатываемых рефлексов. Какие это могут быть проблемы? Ну, например, дерматиты всякого рода. Потому что кишечник полностью не включился в работу и часть выделительных функций по принципу компенсации взяла на себя кожа. Или, как вариант, бесплодие, если это женщина. Ведь что происходит, когда ребенок ползает? Он сочетает координацию управления глазами, которые устремлены вперед, с работой тазовым поясом. Плюс опора на колени, а стопы при этом выключены. Если женщина когда-то в младенчестве этот этап не прошла, не сформировала нужную вегетатику, у нее могут быть проблемы с зачатием. Потому что некогда не включенная функция перестает обслуживаться.

За час, наблюдая, как человек двигается, как он встает из лежачего положения, удерживает позы, как садится на колени, как работает глазами, я все про него понимаю — полная картина перед глазами. Я считываю больше двух тысяч симптомов, в то время как обычный врач ориентирован на 4–5.

Организм устроен хитро; если у него что-то недосформировано, недоразвито функционально или органически, он без этого может существовать — компенсирует, ищет обходные пути. То есть жить человек будет, как бы не замечая недостаточности, но какая-нибудь проблема потом может неожиданно вылезти, и врачи будут ломать голову — откуда это?

— Ну и как это исправить, не имея машины времени?

— Откатить все назад. И пройти пропущенный урок. Я восстанавливаю онтогенез. Если человек не ползал, будет у меня ползать. Мы все привыкли, что человек не можем владеть собственным телом, своими внутренними органами. К тому, что мы — заложники нашего тела. Философски рассуждая, есть Я, как осознающая и чувствующая личность, а есть объективный и окружающий Меня мир, к которому относится и наше тело, поскольку оно может вести себя предательски по отношению ко Мне. Такая точка зрения для человека естественна, потому что осознанно управлять процессами, происходящими в печени или отдельной клетке, мы не можем.

Но точно так же, как можно изменить психику человека, влияя на клеточном уровне с помощью препаратов, так можно сделать и обратное — влияя на психику, поменять ему биохимию клеток, запустить или затормозить организменные процессы, включить спящие участки ДНК. А можно для этого влиять и не на психику, а этажом ниже — на уровне рефлексов.

— И как все это выглядит на практике?

— По-разному. Приводят ко мне армянскую девочку лет шести. Не работает левая рука. Диагноз: акушерский парез, то есть во время не очень удачных родов при прохождении родовых путей был пережат нерв, теперь сигнал к руке не проходит. И что я дол-

жен был сказать убитым горем родителям? То, что до этого говорили им хирурги и все прочие врачи — что сделать ничего нельзя? Нет! Я сказал: давайте попробуем и сделаем! Организм гибкая, адаптивная штука. Смотрите, говорю, девочка ваша уже привыкла работать правой рукой. Ей левая не нужна. Туда и сигналы уже не идут. Заставьте левую работать! Как? Очень просто. Если девочка тянется к чему-то, придерживайте ей правую руку, заставляя мозг попытаться запустить свободную высохшую левую... И через год левая рука включилась! А через два все уже забыли, что был акушерский парез.

— А как же устранилась пережатость кабеля?

— Вот! Вы, как и современные врачи, пользуетесь анатомией, которая была разработана триста лет назад и которую преподают в медвузах: что сосуды — это трубы, а нервы — кабели. И если труба или кабель пережаты или перебиты, тут уж ничего не поделаешь. А психика? Почему ее не учитываете?

— При чем тут психика? Она просто дает волевой импульс! Мозг посылает сигнал. А сигнал не проходит — именно потому, что кабель пережат.

— Эта точка зрения на психику неправильная. Психика — это не только рассылка почтовых сигналов, это способность творить. Что есть психика, по-вашему?

— Нечто близкое к моему Я.

— А если это Я не до конца сформировано? А еще бывает присвоенное Я...

— Э-э, мужчина! Вы мне мозги не канифольте! Признавайтесь — как психика, которая есть некая эфемерность, витающая в эмпиреях, пробивает реальную физическую преграду?

— Представьте. Взрослый человек, парализована рука после инсульта. Нет руки! Висит, как плеть. Хоть выбрось!.. Ставим ему зеркало так, чтобы работающая правая рука была видна в отражении как левая. У мозга, у психики возникает иллюзия работы неработающей руки. И мозг переходит в режим компенсации. Сейчас после инсульта парализованную конечность пробуют запустить массажем. Человек видит: его рука не работает, ее мнут, а она не реагирует. И утверждается в этой мысли. А зеркало, напротив, создает зримую иллюзию работы. Пусть обман, но мозг воспринимает эту иллюзию как свое действие. Таким вот образом вместо того, чтобы работать над восстановлением подвижности два года, можно включить функцию за две недели. В режиме компенсации мозг создает дублирующий путь, обходя поврежденные области.

Были люди, которых ко мне привозили на колясках, и если мне удавалось им объяснить причину и способ действий, через год человек приходил ко мне на своих ногах. Как мозг находит обходные пути, что-

бы доставить сигнал? Это его проблемы! Мое дело — запустить процесс.

— А от чего вы вообще лечите? С какими диагнозами к вам приходят?

— Чаще всего ко мне приходят с казуистическими случаями, когда трудно поставить диагноз в сфере обычной врачебной специальности, когда диагноз на грани или за гранью специалиста. И человек начинает ходить по врачам. В результате у него диагноза нет или, напротив, их много от разных специалистов, и одни из этих диагнозов исключают другие.

Бывает, я говорю: у вас диагноза нет, в вашем организме все в порядке! Просто нужная функция не включена. Нужно ее включить.

— Ладно, спросим по-другому: а с какими проблемами приходят?

— Ну, например, пришла пара — не могут зачать ребенка. ЭКО не помогает, ничего не помогает! Начинаешь с ними работать, и через несколько месяцев она беременеет. Диагноза никакого нет. В организме все нормально. Но беременность не наступает!

— Что же вы с этой парой делаете?

— Я их гармонизирую. Ясно, что ее организм за время, отведенное природой на имплантацию, этот процесс завершить не может по каким-то причинам. Не та моторика в организме, не тот тонус поперечной, гладкой мускулатуры...